

Этот тон больно отозвался в груди Тун Хуайцина.

— Сними, — Чи Е не сводил с него тяжелого, прилипшего взгляда. — Не носи эту дрянь.

"Почему?"

Легкость, царившая во дворе секунду назад, испарилась без следа. Глаза Чи Е потемнели, в них пробился ледяной холодок.

— Погоди. Зачем ты вообще это нацепил?

Тун Хуайцин приподнялся на кровати и посмотрел ему прямо в лицо.

Так смотрят разве что на допросе.

Цепочка на талии почти ничего не весила — так, дешевая бижутерия из фальшивых нефритовых бусин да медных монеток. Она свободно покоилась на бедрах, но сейчас Хуайцину казалось, будто эта безделушка свинцовой гирей тянет сердце в бездну.

"Что всё это значит? Это же просто украшение. Копеечный пустяк..."

Чи Е явно мучился какими-то тяжелыми, темными мыслями. Его кадык дернулся, а голос прозвучал глухо и натянуто:

— Ноно сказала, они тебя обзывали... Как именно? Что они говорили?

Совершенно незнакомые типы перегородили дорогу и, хохоча, спросили, не торгует ли он задом.

У Тун Хуайцина растрепались волосы, а на аккуратном лице застыло детское, наивное недоумение.

Он действительно ничего не понимал.

Но мышцы на руках Чи Е напряглись. В голове всплыла догадка — липкая и дрянная, о которой даже думать не хотелось.

Впрочем, сам он узнал об этом лишь со чужих слов. От своей школьной одноклассницы, с которой когда-то сидел за одной партой.

У той девчонки была толстая коса и круглое, как луна, лицо. Едва родившись, она угодила в деревню к родственникам — родители прятали её от комиссий по планированию семьи. Лишь когда появился младший брат, её забрали обратно, с трудом оформили документы и устроили в школу. Из-за всех этих проволочек она оказалась старше одноклассников года на три-четыре.

Пока пацаны в классе сопли вытирали да собирали коллекционные карточки из пачек с лапшой, она уже превратилась в сформировавшуюся девушку. Улыбка у нее была тихая, кроткая. Учительница, видя её смирный нрав, посадила её с самым отпетым хулиганом — в надежде, что девчонка успокоит смутьяна. Лишь бы в классе царил покой.

Девочка-то тихая, жалеть её никто не станет, да и дома она жаловаться не побежит.

И её начавшую задирать шпану не останавливало ничего. Для них это даже не казалось травлей. Хотя до взрослой жизни им было еще далеко, подростковые гормоны уже давали о себе знать: над её округлившейся грудью постоянно глумились.

Как глумились? Смеялись толпой, плотно обступали, подталкивали к ней пацанов.

Ехидно звали «первой красавицей класса».

Был ли это откровенный, жестокий буллинг? Пацаны так не считали. Им казалось — просто забава, просто шутка.

Чи Е тогда не выдержал. Взял и перетащил свой стол к ней. На перемене пацаны подвалили к ним — Чи Е зацепить боялись, а вот на девчонку косились с сальной ухмылочкой.

— Ого, наша красавица совсем страх потеряла! Даже Чи Е на поводок посадила!

Чи Е вальяжно откинулся на спинку стула, крутя в пальцах шариковую ручку:

— Ага. Она не только меня на поводок посадила, но и твоего баты. Так что скоро у тебя появится мамочка, будешь шелковым ходить.

Паршивец опешил, а весь класс взрыгнул от хохота.

Но с того вечера прицепились уже к нему.

Девчонку перестали звать «первой красавицей». Зато когда кто-то встречал того гопника, со смехом кричал:

— Эй, вон твоя мамочка сзади сидит! Чего не идешь поздороваться?

Тот сжимал кулаки до хруста, на шее раздувались жилы.

— Да ладно тебе, командир! — цитировали пацаны фразочки из гонконгских боевиков. — Что ты такой обидчивый, шуток не понимаешь?

В этой шумной суматохе про девчонку постепенно забыли. Перестали колоть взглядами.

Однажды она протянула ему апельсиновую мармеладку.

— Спасибо тебе.

Чи Е конфету не взял, лишь буркнул что-то неопределенное.

А потом она просто бросила школу.

У самого Чи Е тогда в семье начался ад, было совершенно не до пустующей соседней парты.

Прошло много лет, прежде чем они пересеклись вновь.

И Чи Е даже не сразу её узнал.

Он тогда оказался на юге, в разгар рыночного бума. Деньги там текли рекой, повсюду витал запах легкой наживы. Какой-то нализанный босс с напомаженными волосами пригласил их в массажный салон — «ноги помыть». Новенькая иномарка затормозила у помпезного, сияющего огнями здания, с визгом дав сигнал. Роскошь, шик.

Чи Е в таких заведениях отродясь не бывал. Вошел из чистого любопытства, да и кресло толком согреть не успел, как вдоль стены выстроилась вереница девиц. Все молоденькие, в облегающих чеонсамах с разрезами до самого бедра.

Девушка, которую ткнули пальцем в сторону Чи Е, привычно и устало улыбнулась... но, подойдя ближе, вдруг вспыхнула густой краской.

Родной говор не обманешь.

Она тихо прошептала:

— Чи Е...

И тут же добавила:

— Тебе лучше уйти. Здесь... не очень чисто. Многие даже медосмотр не проходят...

Чи Е мгновенно все понял.

Сделав вид, что нужно выйти покурить, он вытащил её в прохладный пролет пожарной лестницы.

Под глухой грохот дискотечной музыки из зала он разглядывал её. Круглое когда-то лицо вытянулось, под густо накрашенными накладными ресницами чернели глубокие, печальные глаза. Улыбалась она неловко, смущенно.

— Ты только нашим в уезде не говори...

Чи Е крутил в руках незажженную сигарету.

— Не презирай меня, — она поправила растрепавшуюся прядь. — Отец пьет, картёжник... Кредиторы ворота масляной краской измазали, с ножом у дверей караулили... Мать больная, на лекарства куча денег уходит. Не было у меня другого выхода.

Чи Е молчал, стоя в дверях.

— Ничего, брат в следующем году университет окончит. Он у меня такой толковый! Накоплю ему еще немного — жениться ведь надо, квартиру купить...

Чи Е чиркнул зажигалкой, прикуривая:

— А твой брат — безрукий калека? — процедил он сквозь зубы. — И ты позволила этим пиявкам пить из себя кровь?

Она замерла, а потом тихо ответила:

— Потерплю еще пару лет. Тут деньги быстрые. — И снова умоляюще добавила: — Только родным ничего не рассказывай, они не знают...

Чи Е жадно затянулся, сплюнул и ушел, не попрощавшись.

Вернувшись в приватный кабинет, он застал картину: мелкий босс тискал девицу, а на соседнем диване развалился какой-то расписной тип. Пивная пена текла по стеклу, стоял гвалт.

— Видали, какое заведение продвинутое? Даже мальчики-массажисты есть! Международный

уровень, ёпт!

— А цепочку на талии видел? — тот со смехом подмигнул Чи Е. — Запомни, братан: если на бабе или на парне такая висит, значит, они всё еще надеются "завязать" и замуж выйти. Потому что с этой штукой ты вроде как не совсем голый. Сигнал такой — последняя капля приличия!

Парень-массажист тут же кокетливо задрал майку:

— Ой, босс, ну вы и знаток!

На его талии отчетливо блестела тонкая цепочка.

Вернулась ли она потом в уезд Аньчуань, Чи Е так и не узнал. Он оставил ей свой номер, пытался как-то помочь, вытащить, но она отказалась.

Единственное, что врезалось в память — когда он уходил из салона, он оглянулся.

Девушка перегибалась через перила второго этажа и махала ему вслед. Её кофточка задралась, открывая тонкую красную нить на пояснице.

Словно узкая алая струйка крови.

Такого же цвета, как пометки в её школьных тетрадках над ошибками.

Её последняя иллюзия — надежда, что получится выйти замуж, переложить тяжесть своей судьбы на плечи другого мужчины.

И если так... тогда всё сходилось!

Такая ангельская, неземная внешность — и толкать тело на панели? Должно быть, случилось что-то страшное, раз он от безысходности пошел к реке в ту ночь! Неудивительно, что его никто не ищет — Чи Е-то думал, что перед ним просто сбежавший из дома капризный подросток!

Ему просто некуда возвращаться? Или его выгнали?

И после всех этих унижений он еще смеет смотреть на него вот так — чистыми, невинными глазами?!

Чи Е стемнел лицом:

— Проваливай отсюда.

Ресницы Тун Хуайцина дрогнули.

Раньше Чи Е тоже пугал его своей дикой, грубой дурью, но, как ни странно, страха перед ним Хуайцин не испытывал. Чи Е мог свирепствовать сколько угодно, однако его вспышки вызывали лишь секундную оторопь, но не ужас.

Но сейчас... внутри у Хуайцина всё заледенело.

Он поднялся без единого слова и пошел к двери, не оборачиваясь.

На улице хлынул порывистый ветрище. Во дворе тревожно зашумели, затрепетали кусты, а в старой крыше одиноко качалась розовая роза, цепляясь лепестками за холодный воздух.

«Осенний тигр» сдал позиции мгновенно. Небо заволочло тяжелыми тучами.

Вещей у Хуайцина почти не было — лишь черный тканевый шоппер через плечо. На шатком пороге он оступился, и из нерасстегнутого кармана на землю высыпалась всякая мелочевка.

Чэнь Сяньян бросился помогать, а Чи Ино всё еще гонялась за бабочками у клумбы. Порыв сырого ветра обжег кожу. На первый взгляд — идиллическая картина.

Но нотная папка отлетела далеко в сторону. Сяньян поднял её и осторожно поглядел на Тун Хуайцина:

— Вы что, поссорились? Брат иногда бывает вспыльчивым, Тунтун-гэ, ты не...

Дверь дома с сухим щелчком захлопнулась изнутри.

Сяньян застыл с открытым ртом, так и не договорив.

\*\*\*

На рубеже тысячелетий уезд Аньчуань захлестнула мода на мотоциклы. За исключением осторожных стариков да нищих, педали крутивших из экономии, каждый, у кого водилась копейка или кто стремился прослыть крутым пацаном, щедро заливал шевелюру гелем и под оглушительный рев мотора летел по ночным улицам, собирая вслед проклятия жителей.

Местные звали это «взрывать улицы».

Тун Хуайцин с треском задернул шторы.

В маленьком уезде гостиниц раз-два и обчелся. В пару мест он заглянул и тут же выскочил в омерзении: Хуайцин не требовал пятизвездочного комфорта, но элементарная чистота быть была обязана! А там — даже комната Чи Е казалась дворцом по сравнению с этим убожеством. По углам висела паутина, со стен осыпалась побелка, а в воздухе стоял стойкий запах нищеты и затхлости.

Он еще не решил, куда направиться дальше. К тому же небо окончательно потемнело, где-то вдали глухо гроыхало — собирался дождь.

Идти на вокзал наугад в такую погоду было глупо.

Уличные извозчики на трехколесных моторикшах наперебой зазывали его, но стоило Хуайцину сесть в одну, как от дикой тряски его тут же укачало. С трудом сдержав тошноту, он выбрался наружу.

В итоге удалось отыскать хоть сколько-нибудь приличный пансионат.

Место оказалось тихим, да вот беда: под окнами высыпала орава малолетних байкеров на своих «драндулетах».

Кто-то из них лихо развернулся с заносом, вызвав дикий шквал одобрительного гиканья.

Тун Хуайцин сжал зубы и спрятал голову под подушку, судорожно обнимая полинялого плюшевого зайца.

Заяц жил с ним много лет, превратившись в старую, потертую тряпицу, но без него Хуайцин попросту не мог заснуть. Стирать его лишний раз он боялся — трухлявая набивка могла расползтись в любой момент.

Снизу раздался звон разбитой пивной бутылки и залиvistый свист.

Хуайцин сел на кровати, посмотрел на пыльный телевизор, сдернул с него розовое покрывало и ткнул кнопку. Экран лишь зашипел серым снегом — сигнала не было.

Шпана под окнами и не думала расходиться.

Более того — они затянули песню:

— Эй, девчонка напротив, глянь сюда, глянь сюда!

— Здесь такое шоу, не делай вид, что тебе всё равно!

Ночь давно перешагнула за полночь. Тун Хуайцин напряженно раздумывал, не спуститься ли к администратору, чтобы вызвать полицию за нарушение тишины.

Но почему молчат остальные постояльцы? Неужели во всем пансионате он живет один?

А дурные голоса снизу орали всё неистовее:

— Печаль одинокого парня — кто поймет, кто услышит?!

— Ну подари хоть взглядик, порадуй меня, развесели!

Костяшки пальцев Тун Хуайцина побелели.

Он годами играл на фортепиано и добился признания не только изнурительными ежедневными гаммами, но и благодаря феноменальному, абсолютному слуху. Ему достаточно было услышать мелодию единожды, чтобы она навечно впечаталась в память.

Хуайцин никогда не делил музыку на «высокую» и «низкую». Хотя его с юных лет прочили в преемники великих классиков, он вовсе не считал эстраду «мусором для черни».

Проблема заключалась в другом: эта шпана пела омерзительно фальшиво!

А его проклятый слух моментально впитывал эту фальшь.

Это была настоящая пытка.

Снизу снова грянул гогот.

В прошлом году какая-то рок-звезда на концерте разmozжила об сцену дорогущую гитару, и этот жест уличная шпана посчитала верхом крутизны. Мода докатилась и до глухой провинции — снизу тоже начали крушить вещи.

Только не гитары.

А обычные термосы.

Тун Хуайцин отдернул штору и с третьего этажа бесстрастно уставился вниз.



Человек семь или восемь. Волосы покрашены во все цвета радуги — от огненно-рыжего до ядовито-зеленого. Они плясали вокруг своих обшарпанных мотороллеров, размахивая руками.

Район был глухой, без новостроек: пара сомнительных дискотек да пустырь, заросший бурьяном. Неудивительно, что вечером Хуайцин порадовался тишине — он просто не знал, что настоящая ночная жизнь здесь закипает только к полуночи.

Тучи нависали всё ниже, но дождь так и не начинался.

Тун Хуайцин запер номер и медленно спустился по темной лестнице.

На улице стояла давящая, липкая влажность — казалось, отжми воздух, и потечет вода.

На нем была дымчато-серая шелковая рубашка и черные брюки. Ночной ветер взъерошил челку, открыв светлые, почти прозрачные глаза.

Заснуть всё равно не удастся, к тому же неожиданно разыгрался голод.

Захотелось горячих мини-вонтонов в курином бульоне.

Время подбиралось к часу ночи, но уличные торговцы и круглосуточные забегаловки для ночных работяг еще могли работать.

Шпана продолжала гоготать. Один из них с унылой миной крутил в руках пухлый раскладной «Моторола»:

— Черт, да у нас народа не хватает!

— Может, из дискотеки кого выдернуть?

Услышав шаги, парень обернулся. За ним повернулись и остальные.

И разом смолкли.

В воздухе повис отчетливый, дружный вздох.

Если среди обшарпанного пластикового мусора неожиданно расцветает белоснежный жасмин, любой затаит дыхание от изумления.

Тун Хуайцин прошел мимо, опустив длинные ресницы. На глазающих вокруг он не обратил ни

малейшего внимания — подобными взглядами его донимали всю жизнь.

— Ого-о, — протянул кто-то, перекрывая гул моторов. — Какая краля!

— Дурак, это же пацан!

— Ну и что? Ты че, деревенщина, не знаешь, что настоящая любовь пола не имеет?!

Из приоткрытых дверей дискотеки тонуло бешенство светомузыки. Тун Хуайцин шагнул через яркое пятно света, сжав пальцы в кулаки.

Внутри у него всё закипало.

На асфальте блестели осколки разбитого термоса. Хуайцин на мгновение замер, глядя на серебристые чешуйки стеклянной колбы.

Перед ним вырос парень с распахнутой на груди рубахой и сигаретой за ухом. Зачесанные назад волосы стояли колом от килограмма геля.

В широкой ухмылке сверкнули два крупных передних зуба.

— Красавчик, встретились — значит, судьба!

Тун Хуайцин поморщился и попытался обойти его.

— Э-э, постой!

Наглая лапа сгребла его за плечо.

Хуайцин развернулся мгновенно и со всей дури брыкнул его ногой в живот.

Гопник взвизгнул и отлетел назад, скрючившись от боли.

— Да ты че! Послушай, че скажу!

Тун Хуайцин даже не думал слушать.

Компания вокруг заржала, подбадривая приятеля, а тот, озверев от позора, снова попер напролом.

Дикая бессонница, фальшивое оранье под окнами, бесконечная ходьба по пыльному уезду и этот... этот тяжелый, пренебрежительный взгляд Чи Е!

Сердце будто залили густым, жгучим клеем — дышать нечем, хочется орать во весь голос.

И этот ублюдок опять лезет!

Совсем страх потеряли?!

Да что за проклятое место, одни психи вокруг!

<http://bllate.org/book/19966/1985778>